

Глава 2. Данаи

1

Здесь, пожалуй, пришел черед рассказать о первом этапе моей любви, когда привлеченный плоским картонным изображением девушки-танцовщицы, я подошел к дверям бара «Трибунал», из которых так и несло вселенским загулом. А еще этот гул в ушах, гул проспекта, гул беснующейся толпы, гул подземки, гул в наушниках, будто ты заперт в бочке, выброшенной в море, или в ларце с прочным замком.

Непрестанное сплошное эхо: тысячи голосов, крики с улицы. Не то шепот, не то клекот, который получается, если приставить стакан к стене одним концом, а другим к уху. Абракадабра непонятно как оказавшихся за твоим столиком людей. Кто они, что им нужно, что пытаются втолковать тебе сквозь туман, почему пытаются заговорить именно с тобой?

До какой сути моей внутренней бездны стараются докопаться?

Что им промычать в ответ, что сказать, прежде чем пучина времени и событий поглотит их и меня окончательно? Белый накачанный «бык» несет через зал на своей спине красавицу, похищенную с барной стойки. Игровые автоматы проливаются золотым дождем. Пять коров в ряд – и посыпался звон монет.

– Вот выиграю, – говорит забулдыга, – и поеду с телкой в Европу.

– Ты не выиграешь.

– Почему?

Ответ очевиден. В баре «Пьяный койот» телки танцуют прямо на барной стойке. У одной из девушек на плече, на тончайшей коже, татуировка. На китайской азбуке этот иероглиф означает «Я – шлюха». Так над ней приколотись в Китае, где она прошлым летом подрабатывала моделью.

– Девушка, вы знаете, что написано у вас на плече?

– Нет.

– Тогда лучше сотрите.

– Почему? – приближает губы к уху.

Мне хочется поцеловать их. Схватить и написать на гладкой поверхности ее тела новые иероглифы любви. А старый кусок кожи выдрать.

2

Текильщица, что кружит от посетителя к посетителю, предлагает мне выпить прямо с ее гладкого живота. Она вооружена ковбойскими шляпой, сапогами, кожаным поясом и патронташем рюмок «шотов». Дерзкий взгляд, как дулетом в упор. Бутылка крепкого алкоголя в кобуре.

– С кожи, текилу?

– И соль с лаймом, – зеленые глаза сверкают из-под полы шляпы.

– Это как писать иероглифы водой на земле.

– Так будете пить? – не понимает молодая нимфа.

Вопросы и ответы, которые совершенно не важны в масштабах не то что вселенной, а даже одного Невского проспекта, с его Национальной публичной библиотекой, на полках которой пылятся «Диалоги» Платона и «Поэтика» Аристотеля. Так чего ради мы вообще открываем рот и перекидываемся мнениями с этим важным господином, который подсел ко мне и подливает из бутылки вино? Пей молча, дружище. Твои слова ровным счетом ничего не значат.

– Любовь и ненависть – две стороны монетки, – рассказывает кто-то про свою девчонку. – Была у нас какая-то любовь, а теперь монетка упала другой стороной, и любовь превратилась в ненависть. Одна маленькая вещь пойдет не так, и все... Понимаешь?

– Любовь относительна, – отвечаю банальностью на банальность, – но самая интенсивная из переживаемых эмоций. Обычно тех, кого мы любим, мы и ненавидим. В отличие от посторонних прохожих на улице... Вот на тебя и твои истории мне абсолютно наплевать... Понимаешь?

Сумма общих знаний. Многие, не только мы с тобой, лишь перебирают знаки или наборы устоявшихся символов, как кусочки пазла или костяшки домино. Повторяют их за другими, лишь бы не молчать.

– Мне на тебя, в общем-то, тоже с высокой колокольни, приятель...

Даже шутки и ругательства здесь клише. Набор пошлостей, которые не принадлежат тебе и легко перетекут из твоей сумы в суму другую. Тут редко услышишь что-то по-настоящему оригинальное и ценное.

– Ну же, дружище, докажи мне, что ты не запрограммированный биоробот, – подзываю я к столику поющего одиночку в караоке, чтобы спеть что-нибудь вместе.

– Тебе нравится «The End»? Обожаю Джимми Моррисона. «This is the end, beautiful friend, – напевая, предлагает песню мой случайный знакомый. – This is the end, my only friend. The end of our elaborate plans».

«Это конец», – думаю я. Люди с их репликами дискретны, как какая-нибудь старая затасканная компьютерная дискетка, которую можно фрагментировать, разбить на сектора и очистить. Стереть и тут же записать на них любую новую информацию.

– Помолчи. Пей молча, дружище, – я встаю и направляюсь к «дверям», чтобы поменять пластинку. – Пей и не надейся тут что-нибудь выиграть или кого-нибудь удивить.

Если докопаться до дна, ты всего лишь пустая бутылка, пустая посуда. «Пустой, как пробка», – говорят в таких случаях.

3

Точно! Каждый человек, но особенно женщина, похож на бутылку. На аутентичную посудину из глины с каким-то посланием. С посланием от Бога в море накатывающих волн. Всего несколько слов или фраз, посланных тебе в пучине жизни. Вложенных в них чьей-то рукой и предназначенных, может быть, и не для тебя. Но сказали их по инерции тебе.

Говорят, это судьба. Думаю, вряд ли. Хотя, конечно, судьба, но не такая важная. Потому что это послание еще надо расшифровать, как критские надписи на глиняных табличках. Линейное письмо А, линейное письмо Б...

Человек линеен, история линейна, время линейно, его не остановить. Но хочется ставить зазубрины, некие черточки, отметины на этой линейке, подводить итоги, подчеркивать, отмечать важные этапы и периоды.

Сейчас я не помню, не знаю, как почувствовал важность тех дней. Не помню, потому что был слегка не в себе, был ужасно пьян и сам не ведал, что творил, что слушал и что говорил. Помню только гул прилива, что снова и снова звал меня в плаванье на улицу, в порт, а потом гул отлива, что выталкивал меня назад в квартиру – на отмель дивана.

«А что если, – думал я тогда, – что если из нескольких миллиардов пустых глиняных посудин только у одного внутри послание? У избранного Богом. Вот он берет од-

ного из людей, как бутылку в баре, выпивает до дна, выжимает все соки, а потом запихивает в него послание для других людей.

Так появляются пророки или поэты. Три типа безумия по Платону – пророческое, поэтическое и молитвенное...»

Эта мысль тогда забавляла меня, и я вглядывался в глаза идущих мне навстречу людей, – иногда мутные и грязные, а иногда кристально чистые, голубые, – чтобы понять, есть ли в них послание для меня.

4

Я перебирал людей, особенно женщин, как бутылки. Не помню, сколько их было, как не помню, каким образом и в какой день недели я забрался в этот бар. Как я очутился в этом подвале. И танцевальный, весь в красных огнях, зал, и красные пьяные рожи бандитов, и раскрасневшиеся женщины с алым макияжем – все напоминало преисподнюю в ее бессмысленном мельтешении. В развратных телодвижениях. В агонии пресыщения.

А этажом выше, я знал это точно, – светлое уютное кафе с огромными витражами и приятной музыкой.

Я хотел зайти туда, посидеть в тихой спокойной обстановке. Но меня не пропустили. Грубо остановил резким движением руки, словно шлагбаумом, толстый, как будка, охранник.

– У вас есть приглашение?

– У меня есть деньги.

– У нас приватная вечеринка.

– Я только кофе глотнуть, – пытался протиснуться я между охранником и дверью.

Но охранник вновь остановил меня, задев шлагбаумом руки по плечу.

– Спецзаказ. Свадьба, – подтолкнул плечом в грудь, не убирая шлагбаум руки.

Я решил сказать, что я жених, но в последний момент передумал паясничать. Я и так слишком много паясничал в жизни. Арлекин, трубадур, скальд, поющий, где придется. Готовый музыкант, бери и выпускай на сцену.

– Можете выпить кофе в баре внизу, – сжалился надомной охранник.

«Что же, в ад, так в ад! – решил я тогда. – Рано или поздно – за все мои грехи – это должно было случиться». Бар «Трибунал» – разве может быть место лучше для самобичевания, для самоедства и наказания. Тем более денег хватит ровно на то, чтобы взять какой-нибудь кислотный коктейль или китайский кофе, что будет разъедать меня изнутри солями или щелочью.

В глубине души я даже был рад такому стечению обстоятельств, я даже хотел попасть именно в преисподнюю, чтобы помучить себя. Да еще взять на себя какой-нибудь левый грешок, который наверняка шили какому-нибудь бедолаге. Да что уж там – приватизировать все грехи мира, раз такой неудачник.

5

Впрочем, выглядел я, наверное, еще вполне сносно. Некоторые даже принимали меня за солидного и платежеспособного, предлагали меню и виски с содовой.

Не успел я войти, как девушки, сидевшие на диванчиках, повскакивали и заплодировали. Некоторые залезли на тумбы и начали танцевать. Го-о-го-о. Они подергивались на тумбах, выворачивали ногами. Изгибались телами, словно старались сменить положение, но только не плавно и медленно, а быстро, хотя все с той же грацией.

Время от времени они меняли тумбы вокруг меня. Точнее, менялись местами сами. Слишком кукольные, слишком манекенные движения для плоти, которую можно потрогать, протянув руку.

Я был чуть ли не первым клиентом, но потом народ начал подваливать. Официант принес меню, потом несколько раз подходил принять заказ, и от этого мельтешения людей и букв, посланий и чуваков, которые старались перекричать музыку, у меня закружилась голова.

Чтобы не вырубится и не свалиться под стол, я стал громче всех улюлюкать в адрес стриптизерш, выкрикивая цитаты из Гадамера, Деридды и Бланшо. Цитаты, включавшие в себя плохие слова, вроде «экзистенция» и «дискурс».

«Дискурс», – кричал я. Девушки или их менеджеры, видимо, приняли мои слова за сигнал того, что я уже достаточно опьянел. И потому, не успел я моргнуть глазом, как две полуголые девицы разлеглись от меня справа и слева в позах Данай из Эрмитажа. Они, подогнув колени, облокотились мне на плечи, обвивая за шею, наглаживая мои ляжки, словно собираясь высечь из джинсов искру, как тот Бродский.

Они так и льнули своими податливыми телами, решив, что мне не нужна восторженность, мне нужна земля под ногами. Ведь все мы, люди, созданы из глины. Теплой и податливой.

И как низменное и самое развратное существо, глядя на изгаляющихся в полуметре от меня голых девиц, думал я в тот момент о картинках из Эрмитажа. Даже не о Данаяе, а о разнице между голым и обнаженным. А точнее, о сексуальном маньяке, который эту разницу может принять на свой личный счет. Я тогда еще не думал о тебе. Я не знал тебя.

Наверное, я совсем чокнутый или юродивый, если даже в ночном клубе среди полуголых девиц думаю о картинах с изображениями дам эпохи Ренессанса. Но накануне я как раз был в Эрмитаже, и мне на глаза сначала попала «Даная» Тициана, а потом и «Даная» Рембрандта.

В первом случае Даная была вся такая холеная, выставившая свои прелести напоказ, на продажу. Ну прямо как девицы в этом баре, уверенные в могуществе своих телес, убежденные, что соответствуют неким все поражающим стандартам красоты.

– Ну что, будешь брать в «приват» такую сексапильность? – с дерзким вызовом во взгляде вопрошали они.

Я ощущал, как они меня презирают, эти девицы-стриптизерши. Столько в них было надменности, столько высокомерия, пока они так отстраненно и постановочно жуют жвачку.

– А можно вас снять на часик-другой?

– Снять нельзя. Мы не какие-нибудь дешевые шлюхи.

Призывность перламутрово-розового тела на контрасте холодного тона стен и портьер.

– А кто вы? – я пытался разобраться, почему на их фоне чувствую себя полным дном.

– Мы – достойные девушки. И дорогие. Нас можно лишь выкупить у заведения на всю ночь. Но это дорого.

– И что мы будем делать всю ночь?

– Любить друг друга, – застают меня врасплох девушки.

– Любить? Я не ослышался?

– Да, – шепчут сладострастно на ухо, – любовь, самая сладкая из эмоций.

Даная Рембрандта растеряна – словно ее застали врасплох. Она смущается, ощущая свою незащищенность и уязвимость. Даная Рембрандта не уверена в своей красоте, а, скорее, наоборот, стесняется своего тела. Создается ощущение, что ты стал случайным свидетелем происходящего. Но откуда же льется этот заставший ее врасплох и освещающий недостатки уже не юного тела золотой свет? Откуда он появился в запертой темной камерке башни, теплый, мягкий и проникающий в самую душу – свет?

Я огляделся. Понятно: поменяли цветомузыку.

– Ну так что? – словно извиняясь, вкрадчиво присела ко мне третья, чересчур крупная девица с большим матовым телом. – Может, все же приват-танец?

Модели на тумбах по-прежнему привлекали мое внимание, вытворяя такое искусство, лишь бы я уже сжалился и начал пихать купюры им в трусы.

– А вас там, в приват-комнате, трогать можно?

– Можно, но осторожно, – ласково улыбнулась девица, – и не всем, а только избранным.

О! Кажется, она назвала меня избранным. Это уже совсем другой маркетинговый подход к клиенту.

– А вы догола обнажаетесь?

– Догола, – рассмеялась девица мне в лицо.

Кажется в этот миг я возблагодарил Бога, что даровал мне такое гнойное греховное существование. Снова и снова подтверждая, насколько я низменное существо.

Даная Тициана – обнаженная. А Даная Рембрандта – нагая или, лучше даже, голая. Голая или нагая и потому – естественная и желанная. Это «драма наготы». Одежды нет не только на теле. Мы видим и душу. Это не модель, привыкшая к публичному обнажению и вниманию, это самая обычная девушка, случайно застигнутая врасплох.

Глава 3. Бар «Трибунал»

1

Оказавшись в маленькой каморке приват-комнаты, я сую в трусы девицам купюры, хотя мог бы плеснуть на их красивые тела кислоту. Так сделал какой-то сумасшедший с картиной Рембрандта. Здесь не кислота. Здесь текила. Соль и лайм.

Там, в ночном клубе «Трибунал», я впервые и увидел ее – Мелиссу. Да, я увидел тебя. В белом подвенечном платье ты спустилась по крутой винтовой лестнице, поддерживая рукой фату, словно подбитый летчик на одном крыле. Спустилась в самое пекло ночного клуба по прикрепленной, казалось, к небесам, винтовой лестнице и сразу напомнила мне ангела-пилота, спустившегося к пилону – стриптизерскому шесту. А потом то ли обувь была тесна, то ли воротник душил... меня охватило сильное волнение.

И я подумал: «Вот она, апогея разврата. Сейчас она, девушка моей мечты, изобразит самый соблазнительный стриптиз». И уже начал шарить по карманам в поисках мятых купюр, чтобы быть первым у этого отполированного олицетворения невинности.

И, словно чувствуя мою готовность отдать последнее, невеста направилась прямоиком к моему столику. И я вблизи увидел заплаканное, с подтеками туши, нежное лицо, – видимо, ее обидел клиент, с которым она провела час в приват-комнате, а может, хозяин заведения – он же ее сутенер.

– Садись сюда, – сделал я призывный жест ладонью, хлопая по кожаному диванчику и сам не веря, неужели этот ангел сейчас заговорит со мной.

Она села – и тут же будто перестала обращать на меня внимание. Я предложил ей выпить, она отказалась. Я спросил, как ее зовут, она ответила, что это неважно.

– А что важно? – спросил я, перекрикивая гвалт и шум.

– Сложно сказать, но верю, что в нас есть что-то более свое, чем собственное имя.

– Ну это вряд ли. – Я чувствовал, что запинаюсь... – Имя – единственное, что у нас есть своего, не наносного...

– Стоит человека пару недель называть по-другому, и все привыкнут и забудут имя, данное ему родителями, – парировала она, – он и сам скоро привыкнет к прозвищу.

– Но не забудет... ибо когда его окликали в раннем детстве, он еще не различал предметы и не делил мир на внешнее и свое... Да и внешнее скорее походило на пятна без какого-либо смысла и обозначений.

– Тогда Ми... – протянула она руку, как бы здороваясь и представляясь. Хотя сквозь шум внутри и снаружи перепонки я толком не расслышал, но отчетливо уловил, что оно начиналось на М, как метро. Зафиксировал себе в сознании эту букву, возвышающуюся на неоновой ножке-столбе над входом в подземелье, в яме, в которой мы все оказались...

А еще я подумал, что имя у нее какое-то полусказочное. Как Анжелика или Вероника. Из тех, что любят брать проститутки, скрывая свои простые Аня и Маша. – Почему так? – спросила М, глядя мимо меня, у кого-то, кто словно бы сидел за моей спиной. – Почему человек бывает настолько унижен, что бежит даже от своего имени? Меняет свое имя на другое...

Думаю, в этот момент там за моим плечом видела своих родителей. Я даже на миг обернулся, чтобы понять, как они выглядят.

Так бывает, когда тебе ни с того ни с сего улыбнется вдруг в трамвае самая симпатичная девушка, а ты обочиваешься, не веря в себя и ища того, кому могла так улыбнуться удача. Вопрос адресовался мне, но я был настолько пьян, что не смог сообразить до конца, сбежавшая ли она со своей свадьбы невеста или стриптизерша, отработавшая сеанс приват-танца в закрытой кабинке.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она резко, не дождавшись ответа, хотя это был мой вопрос.

– Отдыхаю, – вздохнул я так тяжело, будто нес тяжелый камень в гору, отчего от моего признания повеяло абсурдом, – отдыхаю вопреки всему.

– Я понимаю, – улыбнулась М, приняв меня, должно быть, за какого-нибудь богача, – если все время отдыхать, то и отдых становится в тягость.

Я снова глубоко вздохнул. Вздохнул, потому что мне вроде и было что сказать ей, а вроде и не было. Я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Тварью, оказавшейся в цугцванге. Несостоявшаяся любовь, несостоявшаяся мать, невеста-жена-женщина, – и несостоявшийся мужчина. Оба полностью разочарованы и подавлены. Выброшенные на обочину, изгнанные из социума с единственным багажом – всеобщим презрением, сидят в самом центре нижнего круга ада.

– Это место мне кажется преисподней, – продолжил я подброшенную кем-то тему, – потому что там, на втором этаже, кафе с большими витражами напоминает мне рай.

– Я была на втором этаже, – скривилась в язвительной ухмылке М, – там сейчас свадьба.

– Случаем не ваша?

– Кто знает, может быть, может быть...

– Вас что, спрятали тут от жениха за выкуп? – настаивал я.

– Скорее, от женихов я спряталась сама, – она улыбнулась в первый раз за вечер.

– Как Пенелопа?

– Как Пенелопа.

Иногда так бывает, особенно в джазе, где темы подбрасывают, как детей под двери. Или под плуг на борозду. И ты сидишь и слушаешь жалобный плач саксофона. И слышишь в нем рождение новой жизни, новых чувств и эмоций.

Но за саксофоном вступает контрабас – бум-бум-бум, – будто топот бычьих ног. Или такой звук, будто о дверь головой бьется обманутый жених. А потом уже и пианино, как убегающие женские шажки, – первая любовь, первый страх, первый побег...

3

С другой стороны, я слышал о таких случаях. Я иногда читал книги, и как-то мне в руки попался сборник рассказов Мэнсфилд. А я люблю именно рассказы, чтобы не заморачиваться, не уходить с головой в роман, как в плавание. И вот передо мной книжка с короткой аннотацией и краткой биографией автора. Там-то я и вычитал, как Мэнсфилд убежала от своего мужа после первой брачной ночи. Или даже с самой брачной ночи – к оркестровому музыканту.

Я жутко завидовал парню, с которым сбежала Мэнсфилд. Это же как надо было запасть на простого музыканта из оркестра, что играл на свадьбах?

– Ерунда, – как-то заметит мне на это Алистер. – Я знал одного поэта, который выбросился из окна в день собственной свадьбы. Потому что счастливей момента в жизни у него уже не будет.

– Круто, – восхитился я, хотя история с музыкантом из оркестровой ямы мне нравилась больше. Я ведь тоже в какой-то степени музыкант.

Вот я стою перед девушкой, которую принимаю за чужую невесту. Но с той же долей вероятности она может быть и стриптизершей-куртизанкой, чтобы не сказать проституткой, вышедшей из приват-кабинки, где ее только что лапал, а может, и имел ужасно толстый некрасивый торгаш, а может, и какой-нибудь плешивый, пропахший нафталином старикан-банкир.

Все эти кабинки, в которые уединялись клиенты с понравившимися танцовщицами, напоминали мне встроенные в стену камины, жаровни ада. Я специально придумывал себе как можно более жаркие картинки.

– Зачем ты выбрала такой путь? – спросил я, обращаясь ко второй возможной ипостаси девушки.

– От отчаянья, – ответила она, – у меня никчемная сестра и больная мать на руках, которых надо кормить, а самой еще снимать квартиру.

И опять было непонятно, говорит ли она про замужество или про работу. Но я сам виноват, что задал такой размытый вопрос. А спросить в лоб показалось не деликатным.

– А еще я учусь в аспирантуре и пишу диссертацию, – продолжила девушка все так же меланхолично.

Еще раньше я заметил небольшие морщинки под отчаянно нежными глазами. А значит, она старше двадцати. Может быть, двадцать один или двадцать два.

– Да, и работаю, – перехватила она мои дальнейшие расспросы, – потому что стипендия у нас маленькая.

И опять было непонятно, вышла она замуж или работала стриптизершей. А может, спросить ее в лоб про проституцию? Я уже было собрался с духом, но тут мне на память пришло, как мы с ребятами, когда были еще подростками, и кровь в нас кипела, поехали на старой «девятке» искать проституток. Мы катили вдоль улицы, на которой, так нам сказали старшие, теоретически должны были стоять девицы легкого поведения. Но никто там не стоял, а только порой шли себе вроде как по делам, или гуляли вдоль тротуара одинокие барышни. Возможно, они возвращались из института или шли к своим бабушкам, несли пирожки. А может, все же фланировали в ожидании клиентов, как фланирует вон та красная шапочка по клубу?

Я сидел на переднем сиденье с правой стороны от водителя. И ребята подначивали меня к действию.

– Ну давай же, спроси у нее.

Я открыл окно и крикнул первой попавшейся тетке:

– Вы работаете?

Тетка повернулась, и оказалось, что это училка химии, классная из параллельного класса. Она вначале не поняла, о чем ее спрашивают, а потом покраснела и в мою сторону понеслись матерные ругательства и проклятия.

И от всех этих воспоминаний мне почему-то стало не по себе.

– Пойдем со мной! – предложил я девушке. – Я тебя спасу!

– Как?

– Подкину денег, и тебе не придется совмещать работу с учебой.

– А не боишься моего парня, считай, мужа?

– А кто у нас будущий муж? – хотел было побравировать я.

– Крутой бандит, он сейчас там, – указала она глазами то ли на ресторан сверху, то ли на столики ярусом выше, за которыми уединившаяся компания играла в карты.

– Предупреждать надо было.

5

Больше мы ни о чем не разговаривали. Нам не о чем было разговаривать. Мелодия закончилась, девушка смешалась с толпой и исчезла. А я еще долго не мог забыть шелк ее платья и бархат ее кожи, вздернутый по-детски носик, выразительные скулы, волнистые волосы и большие печальные глаза... Кажется, я еще долго сидел в каком-то оцепенении загипнотизированный этими глазами и очарованием М. А может быть, пораженный, пригвожденный к месту страхом перед ее «крутым бандитом».

Вот они, превратности судьбы и мое падение. Сейчас я бы очень хотел, чтобы она была стриптизершей-проституткой, чем чужой женой. Пусть она лучше будет проституткой, чем навсегда исчезнет из моей жизни. И тогда каждую субботу я смогу сюда приходить и перекидываться с ней несколькими фразами. А если у меня будут деньги, даже заказать ей приватный танец в кабинке.

Я представил, как ее спасу, выведя за руку из этого притона. Не сейчас, позже, когда разберусь, что к чему. Черт! Кого я обманываю? Мне просто хотелось переспать с ней!

Минуту назад я не сомневался, что запомнил ее лицо и что легко узнаю в толпе среди сотен других. Одни лучезарные глаза с морщинками и высокие скулы чего стоят! Но сейчас я больше помнил ее тело и запах, а лицо будто уплывало, скрывалось от меня в тумане опьянения. Я ее забывал, терял...

Нет, конечно, уже через четверть часа я попытался ее найти и взять телефон, несколько раз обошел все заведение, не исключая мужские туалеты. И даже попробовал пробиться наверх в кафе, где игралась свадьба, но все тот же охранник остановил меня железной рукой. Я пытался сказать, что невеста – моя хорошая знакомая, но было уже поздно, ибо свадьба закончилась.

– А где они? – продолжал настаивать я.

– Кто?

– Ну, невеста, жених, гости.

– Уехали на первую брачную ночь, прикинь.

– А куда? По какому адресу?

– Мне не сообщили, прикинь!

Охранник не знал. А я после одного разговора не имел права преследовать чужую невесту. Вторгаться и разрушать чужую жизнь. Даже пьяный я это понимал.

6

Много позже, думая о загадочной девушке М, я никак не мог решить для себя, что бы я предпочел. Какое из двух зол я бы выбрал. «Кто, – вопрошал я в минуты отчаянья, – кто чище: проститутка Мими или сбежавшая со свадьбы невеста бандита? На кого можно положиться в тяжелую минуту?»

Первые мгновения нашего знакомства вселили в меня недоверие. Недоверие к М как к моей будущей невесте и жене и Матери наших будущих детей.

Потом между нами лежало нечто пугающее, смутное, трудноопределимое. Это была та история из прошлого, которое расплывалось на смутные пятна для меня. Того мутного прошлого, которое она прожила, которое было с ней и останется до самой смерти. И мне

никогда уже его не выкорчевать, не выжечь каленым железом.

Это неверие в женщину было чрезвычайно разрушительным. Между мной и М, будто сразу, с первой минуты нашего знакомства, пролегла пропасть, темная расщелина прошлого, которая незаметно перерастала в провал будущего.

Она стояла между нами, та история в баре «Трибунал». И хотя Мелисса позже так и не призналась мне в проституции, в работе в эскорте и танцах гоу-гоу, в глубине души я ей не верил.

Для любого мужчины самый большой страх – страх измены, страх предательства. А самая большая жертва – отказаться от своей внутренней свободы. Сам я не готов был на большие жертвы. Тем более не собирался на ней жениться.

Я рассуждал, что если она может предать влюбившегося в нее человека, мужчину, который согласился отказаться ради нее от самого дорогого, своей свободы, – то, что же будет со всеми остальными? Я думал, если она подрабатывала проституцией, то что ей стоит переспать с другим. Что ей стоит переспать с кем-нибудь, чтобы получить желаемое. Да чтобы просто понравиться или завоевать чью-то симпатию. Если она позволяла трогать себя в приват-кабинке, то, значит, порог доступа к ее телу низок. Только заплати немного денег и вперед...

7

Но эти мысли, что терзали, рвали меня на куски, были прежде, до того, как Мелисса ушла. А теперь, после того, как она бросила меня, стоит ночи пролить свой звездно-лунный свет, как я порой вскакиваю и бегу искать ее

в поглотившей бездне, в расщелине темноты. Я, наверное, действую как лунатик, потому что сам не знаю, за чем и куда двигаюсь. Я просто брожу по городу.

Порой, когда девочка-зазывала протягивает мне рекламу очередного стриптиз-клуба, например «Бессонница» или «Луняшка», я тут же иду по указанному адресу, держа в уме, что когда-то первый раз увидел Мелиссу в подобном заведении. Я спускаюсь за ней в неведомые подвалы, затаив дыхание, как Орфей спускался к Эвридике.

Там я сижу за столиком и вглядываюсь в полуобнаженные тела девиц, пытаюсь уловить хоть часть ее тела в других телах, хоть часть ее лица в других лицах. Я всматриваюсь в бесконечных «красных шапочек», «белоснежек», «ведьм», «гномиков», «троллей», «Снежных королев» и еще черт знает кого.

Я не танцую, я просто смотрю на танцующих у пилона, у этой оси-указки моего теперешнего мира, учительниц, медсестер, девочек-нимфоманок в школьной форме. Иногда я засовываю деньги им в трусы, чтобы сравнить их кожу с бархатной кожей Мелиссы, температуру их ледяных тел с ее теплом. С таким же успехом я мог бы гоняться за призраками в подворотнях. Впрочем, иногда я пытаюсь поймать не мельтешение лиц, а лунные блики, зайчики цветомузыки, гуляющие по полу и столу.

Я думаю, что Мелисса тоже была школьницей в фартуке и даже успела какое-то время на практике поработать учительницей в школе. А как она заботилась обо мне, как лечила, когда я заболел! А как обжигала меня холодом, как язвила, когда хотела задеть.

Глава 4.

Бомж или античный герой

1

Отчаявшись найти Мелиссу в злых заведениях, я выбрал другую тактику – бродить там, где посветлее. И вот спустя примерно месяц моих скитаний в поисках Мелиссы я познакомился в переходе метро с одним очень странным типом. Странным – это мягко сказано. Как он утверждал, он был крутым ученым, обладателем международных наград, которые давно пропали, думаю, тут уместен глагол «были пропиты», завсегда ем конференций и симпозиумов, получателем грантов, участником эфиров и телемостов, членом-корреспондентом РАН, в конце концов. Мне он больше напомнил члена РАФ, хотя РАФ не более эфемерен для меня, чем РАН или какой-нибудь КСИР.

Говорю вам, самые интересные люди – это бомжи, которые еще не утратили навыки социального общения. Уже само наше знакомство произвело на меня неизгладимое впечатление. Нет, конечно, я в переходе встречал и других любопытных типов вроде чечеточника-чахоточника Чета или обрубка Радия. Кого только не повстречаешь под вечер в длинном переходе, но когда я встретил Алистера, сердце мое дрогнуло, будто я сам выхожу за пределы своего тела...

В тот вечер я как раз засиделся в переходе и уже собирался возвращаться к себе в каморку, зайдя перед этим ради чечевичного супа в столовую номер один. Кстати, я хожу в эту столовую не только потому, что там было относительно дешево, а потому что чувствую себя там номером один.

А еще я, кажется, в тот момент курил и читал статью «Кто зажигает свет в конце тоннеля». Это была статья о том, как отмирают клетки мозга и почему некоторые пережившие клиническую смерть видели некий таинственный всеобъемлющий свет. Подзаголовок статьи гласил: «Как ученые дали прикурить верующим». И тут я поднимаю голову и вижу этого прикуривающего долгового бородатого детину.

– Ты, видать, ученый! Так, может, и мне дашь прикурить? – обратился я к нему.

– Да, – кивнул он, соглашаясь. – Как ты догадался, братишка?

И это его обращение – «братишка», не «коллега», не «старик», не «дружище», а именно «братишка» – делало ситуацию такой комичной, что мы невольно улыбнулись друг другу.

2

Да, впервые, когда я его увидел, он всего лишь прикуривал. Стоял там себе под аркой перехода и, ссутулившись, прикрывал горящую спичку ладонью, но мне было достаточно. Я понял, что он факелоносец. Революционер. Прометей. Бунтарь из бригады РАФ. Потому что огонь, вспыхнув, озарил все уголки темной арки и темного перехода, все выбоины и шрамы на потрескавшихся стенах, за которые я непроизвольно держался. Огонь озарил даже саму ночь.

А потом он затушил спичку и, откинув назад шевелюру характерным резким движением, прижал голову и лопатки к шершавой стене и так медленно начал сползать вниз, словно обтирая и одеждой, и шевелюрой каменную кладку. И я слышал, как скреб его плащ о каменную

поверхность, и понял, как ему было тяжело держать спичку, стоять здесь, в темном переходе, спиной к спине с одиночеством, сжимая застывшими от холода пальцами щепку – последнюю надежду Одиссея, последнее оружие Ноя. Было видно, как он устал, как он измотан бесконечными шатаниями, бесконечными переходами...

Позже, стараясь не отстать от него ни на шаг, я увидел на его плаще пять маленьких колец, расположенных на спинке в олимпийском порядке. А тогда я лишь слышал, как кольца скребутся о стену, словно это не кольца, а пальцы атлета, сжимавшего до последнего свое копьё – свою маленькую спичку.

Отпуская себя в пропасть, он сполз до конца по стенке, полностью сев на пол, но еще долго держал горящую спичку в руках, пока пламя обжигало его грязные длинные ногти. Он по-прежнему держал спичку, не выбрасывал, и тогда огонь начал облизывать пальцы, а после третьей или четвертой затяжки склонился к луже и пустил еще не потухшую спичку в одинокое плаванье, словно та – корабль с алыми парусами, а лужа – это море посреди перехода.

Трудно объяснить, но я сразу понял, что он герой, титан. Точнее, я представил себе его таковым, словно его пальцы – пальцы дискобола со скульптуры, вцепившегося в диск солнца-коробка из последних сил. Но возможности его не безграничны, пальцы разомкнулись, как порванные звенья цепи, выпуская факел из рук, отпуская спичку в дальнейшее плаванье.

Этой игры в спички-коробки-корабли, в морской бой, мне было достаточно, чтобы пойти за ним по пятам. Хотя

он все еще сидел. Но я знал, что он обязательно поднимется. Встанет и пойдет. Но прежде чем подняться, ему надо было достичь нужного состояния поражения или озарения.

И чтобы подтолкнуть процесс, я решил задеть этого нищего бомжа в своей обычной задиристой, издевательской манере. Мол, чего ты здесь пытаешься высидеть? Иди уже домой! Подавать здесь больше не будут. Метро закрывается, и даже пьяные стараются ночью перейти улицу по верху.

– А я не ради денег здесь слоняюсь, – оторвавшись от спички, посмотрел на меня бомж.

– А ради чего?

– Чтобы проверить одну теорию, – сказал он.

– Какую еще теорию? – я даже подвинулся поближе, чтобы лучше слышать. Хотя и вблизи я многое не понял.

– Физическую теорию. Я ведь физик, а у меня есть друг математик, и...

...И тогда он мне рассказал про того своего друга, который однажды заявился к нему и сказал, что сделал сумасшедшее открытие. Он, тут я пересказываю своими словами, как понял сложную научную конструкцию, вдруг открыл, что если покрутить тумбочку, то можно выйти в другие миры. Про крутящиеся столы и иные миры я что-то слышал, а вот тумбочка или стул – это было что-то новенькое.

Друг его, как я понял, занимался алгеброй и топологией. И по его расчетам, из крышки можно сделать вселенную, а из кружка нельзя, потому что в кружке дырка, а это разрыв пространства. А топология, как мне тут же в общих чертах и на десяти пальцах и двух коленках, быстро, почти скороговоркой, пытался объяснить бомж, это такой раздел математики, изучающий в самом об-

щем виде – явление непрерывности, а в частности – свойства пространств, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях.

Хотя с другой стороны, во вселенной есть черные дыры, а это такой сокрушающий разрыв пространства, и вот сейчас он, физик, как раз пытается разобраться с черной дырой, поглощающей энергию света и тепла... И для наглядности эксперимента, чтобы совсем не «оторваться от земли» и не «съехать с катушек», он выбрал переход и лужу, как аналог черной дыры, а переход под Невским – как аналог адронного коллайдера, построенного в Альпах, там, где Ганнибал совершал свой переход.

Я не очень поверил в рассказ бомжа, принимая его за большие фантазии, но в то же время слегка приуныл. Мне показалось очень красивым сравнение лужи в неосвещенном переходе с черной дырой. А самого перехода – с коллайдером. Потому что иногда мое тело и душу так ломит от черной тоски по Мелиссе, что, кажется, здесь, в переходе, я сам распадаюсь на нейтрино, а потом соединяюсь в измененном виде.

Но этого никто не замечает, и люди, спешащие по своим делам и сталкивающиеся нос к носу, как разогнанные протоны и тяжелые ионы, и вызывающие столкновением целый каскад частиц, тоже этого не замечают. Они бегут по своим работам и к своим проблемам, осыпаясь с ядер верхней атмосферы до уровня грешной земли.

4

Да, меня это заинтересовало. Очень заинтересовал вопрос, когда черные дыры и энтропия поглотят все, ведь потом никак нельзя будет построить правильную вселен-

ную. Вселенную определенного, удобного для каждого типа, согласно топологии.

– А этот ваш друг-математик, – осторожно поинтересовался я, – он реален, он еще живой или его тоже поглотила черная дыра?

– Почти поглотила. Мы с ним познакомились в доме ученых на званом ужине в честь самых крутых академиков города, – расцвел бомж Алистер, словно вновь оказался на шикарном приеме, – я занимался другими цацками, но мы с ним сразу нашли общий язык. Потому что за время банкета он ни разу не притронулся к еде, и мы весь вечер проболтали о квантовой механике...

Далее для меня шли непонятные термины, но слова «цацки» и «проболтали» как-то выбивались из общего ряда и немного смешили меня.

– Ага, братишка, – подводил к завершению свой рассказ бомж, – а в конце вечера мой друг-математик предсказал, что однажды он покрутит тумбочку так, чтобы из окна моей квартиры открывался вид на окна психбольницы, куда его скоро упекут. И однажды, братишка, так и произошло. Я просыпаюсь, подхожу к окнам, чтобы раздвинуть шторы, и вижу напротив своей квартиры не обычный дом с кофейней, а окна психбольницы, а там своего товарища.

– Да ладно. Прямо как в игре в наперстки?

– Ага, представляешь, все так и было, как в наперстках или в картах у шулеров, правда, после долгих и неприятных приключений накануне...

– Рен, – протянул я руку. Я тогда всем представлялся «Рен», сокращением от моего имени Ренат. Реже Романом, просто чтобы слиться с этим городом, с его стенами и дворцами, чтобы не выделяться на его фоне, когда за тобой толпой идут неофашисты или мусора. Как говорил поэт Тумас Транстрёмер: «У того, кто всег-

да на виду, – кто живет под взглядом множества глаз, – должно быть особое выражение лица. Лицо, покрытое глиной».

Но сейчас речь не обо мне, а об Алистере.

Алистер, так звали бомжа, продолжал рассказывать, почуяв благодарного слушателя.

Мы вышли на улицу. И я предложил сделать круг, прогуляться с таким расчетом, чтобы снова выйти к столовой номер один. Мы прошли по набережной и взглянули на шпиль Петропавловской крепости, вышли к Фонтанке.

– Думаете, город основал Петр? – резко сменил тему Алистер.

– А кто же? – я даже на секунду замер.

– Черта с два, – утверждал он, – этот город существовал задолго до Петра. Посмотри на памятник царю. Петр восседает на настоящем Буцефале. А почему он в тунике и с мечом на поясе? А на пьедестале каменные вкладыши, будто этот пьедестал состоит из разных частей, как и весь этот город состоит из разных частей?

– Да ну?

– А карта самого города – один в один карта Афин или карта Парижа. Три луча отходят от адмиралтейства. А вы никогда не задумывались, почему луча три, а в четырех углах первого яруса башни находились статуи четырех античных героев: Александра Македонского, Ахилла, Аякса и Пирра? – Алистер был мастером задавать каверзные вопросы.

5

– Так это же просто, это Екатерина заложила лучевую систему, – заметил я, – ориентируясь как раз на образец Парижа, на архитектора Османа.

Тем самым я хотел уточнить, что просто такое планирование, что город строили по лекалам других городов.

– О, что ты знаешь о лучевой и волновой теории? – скептически посмотрел на меня Алистер. – Если бы у нас было время, я бы смог тебе прочитать лекцию на тему волновой теории света.

– А у нас разве нет времени? – подмигнул я.

– Времени на все про все пять минут, – посмотрел на часы Алистер и тут же приступил к волновой теории, пересказывать которую я, наверное, не смогу. Но за те пять минут мы подошли к «Медному всаднику», и я почувствовал себя, как Евгений, накрываемый бушующими, бьющимися о гранит волнами Невы. В какой-то момент мне показалось, что ладонь Петра не раскрыта, а сжимает кукиш.

– А вот памятник Петру уже в римской тунике, – ткнул я пальцем вверх, когда мы сблизилась с гром-камнем.

– И эта громадина Фальконе тоже слеплена с Александра Македонского и его Буцефала, как слеплены с образа Македонского, умиряющего Буцефала, и кони Клодта, – судя по всему, Алистер не особо был расположен воспринимать мои возражения, – а на мосту через Фонтанку еще и сфинксы водружены. Такие колонны, сфинксы, пирамиды и портики есть в каждом городе: в Париже, Киеве, Стамбуле, Риме, Лондоне с Трафальгаром и набережной Виктории. Везде есть триумфальные арки, колонны-столпы и сфинксы. Как ты думаешь, почему?

Я не знал, что тут ответить Алистеру, припоминая и Трафальгарскую площадь, и Елисейские поля и район Ипподрома в Стамбуле. Точнее, у меня было предположение, что это все – после Наполеоновских войн и взятия Александрии, когда по Европе прокатилась мода на все египетское, но я промолчал. Мне нравилось его адское гониво.

– Все это копии с одного древнего поселения. С идеального поселения, – продолжал Алистер, – это некий прообраз города. Питер – это прообраз идеального города. Идеального, как и Нью-Йорк с его перпендикулярной планировкой.

– Как идеи Платона?

– Типа, но не совсем. Если бы ты что-то смыслил в геометрии, братишка, я бы тебе попытался объяснить, как это возможно. Но пока поверь мне на слово, нет никакого города Питера. Вообще нет. А есть слепок с макета идеального города.

– А макет идеального города хранится в Атлантиде? – вставил я свои пять гуманитарных копеек, припоминая что-то из истории и географии. – Так я, типа, и пытался это сказать про Екатерину.

– В небесной Атлантиде, – поднял палец кверху Алистер и тут же добавил: – Египтяне хотели быть бессмертными, и они ими оказались, они живут с нами, пока живут воздвигнутые ими обелиски и монументы... А теперь поспорь со мной.

Я не хотел спорить. Мне вообще не хотелось спорить. После ухода Мелиссы все споры потеряли смысл. И вообще, всяческий смысл был утерян. Мне больше хотелось слушать и впитывать. Особенно мне приятно было слушать про все, что связано с Египтом, и слова про обелиски меня завораживали.

6

Алистер продолжал рассказывать, что Питер – это вовсе не Питер, что он существовал задолго до Петра Первого. И даже показал в подтверждение надпись на фронте какого-то дома, которую я, по его мнению, должен был прочитать и понять или узнать.

Как выяснилось из разговора, Алистер был полиглотом. Он выучил кучу языков, половина из которых были языками мертвыми. То есть языками сгинувших цивилизаций. В том числе он знал древнеегипетский, древнегреческий и язык майя.

– В этом нет ничего сложного. Это всего лишь математика. Чем больше языков учишь, тем легче даются другие, – уверял Алистер, и я заметил, что улыбается он вполне сносными и светлыми для его возраста зубами, а значит, он еще относительно молод и открыт душой.

– У всех языков есть нечто общее. Некий код или язык. За ним стоит нечто вроде нот или цифр. Достаточно понять это на надрациональном уровне. Если ты овладеваешь этим кодом, то окажешься способен понимать новый язык, пятьдесят тысяч слов за несколько дней.

Пока мы шли, Алистер рассказывал о различиях в языках, точнее, об их отсутствии в конечном итоге.

Я же впервые обратил внимание на благородный вид его лица. Правильные черты, седые волосы и пижонская седая бородка. Такое лицо подошло бы аристократу, какому-нибудь графу, на худой конец, профессору, но никак не бомжу.

7

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – кивнул мне Алистер. И мы чуть прошли вдоль прямой линии Невского, чтобы резко свернуть налево в закоулки. Вокруг Невского полно кинотеатров с широкими экранами стен.

Здесь тебе и «Невский», и «Аврора», и «Дом кино». Даже арка генштаба – как большой натянутый киноэкран, а Александрийский столп – как луч проектора.

Но Алистер вел меня в особый кинотеатр. В кинотеатр для взрослых.

– Смотри, – подтолкнул он меня к одной афише.

– Что смотреть? – не понял я.

– Это она, – указал он мне на порноактрису Сашу Грей, – правда, красивая?

– И что? – не понял я.

– Моя любимая, моя бывшая жена.

Тут я впервые всерьез заподозрил, что Алистер немного ку-ку. Слегка чокнутый, либо бессовестно заливаает. Где он, а где порноактриса Саша Грей. Она на небесах, в золотом раю, а он на помойке, точнее, в трухлявом Питере.

Но все было не так просто. Я уже догадался, что Алистер был платонистом, или агностиком, то есть верил в некий небесный прообраз-идеал всего сущего. А его небесным идеалом женщины была Саша Грей. Да, тот хищный, слегка стервозный типаж, за который я бы и гроша ломаного не дал. Но Алистер ему тем не менее поклонялся, не пропуская ни единого фильма.

А что касается его жены, то она была того же кошачьего типажа, что и Саша Грей. Прежде чем выкинуть его на улицу, она переписала на себя и своих детей его четырехкомнатную профессорскую квартиру в центре города. Затем завела себе любовника. А может быть, последовательность действий была другой.

Не знаю, насколько было точным сходство между Сашей Грей и его женой Тамарой. Может быть, они были один в один, как Марина Басманова и Мария Соццани, как продавщица картошки в овощном отделе «Дикси» и Элизабет Тейлор. Не знаю. Да и какая разница, если обе были просто символом, знаком.

– Ты его простил? – спросил я, выслушав историю Алистера. – Своего соперника. Не хотел подкараулить где-нибудь в темном переулке и треснуть камнем по голове? Или зарезать к чертям обоих?

– А он здесь при чем? Он всего лишь вода, субстанция, которая потекла в открывшуюся низину.

Я хмыкнул, подумав, что под «низинной» он имел в виду жену.

– Простая математическая формула. Всегда найдется тот, кто захочет занять твое место, даже если ты мертвец на кладбище.

– О, да, – согласился я, мне ли было не знать. Даже меня, плавающего по социальному дну, хотели изжить бомжи-попрошайки.

– А все потому, что природа не терпит пустоты, и нет в мире ничего постоянного.

– И ты на нее не злишься? – выдержал я для порядка паузу. Подбирая слово. – Ты ее простил за непостоянство?

– А что с нее взять? – ухмыльнулся Алистер. – Женщины есть женщины. Всегда и во все времена все женщины одинаковы, что бы они тебе ни говорили и ни пытались внушить.

– Не совсем так, – попытался я возразить. – Не все способны изменить. Некоторым чистоплотность не позволяет.

– Чистоплотность здесь ни при чем! – парировал Алистер. – Если женщина была проституткой, а потом вышла замуж и ни разу не изменила мужу, то она чистая.

– Возможно... – кивнул я, вспоминая, как встретил Мелиссу в баре «Трибунал» и как принял ее то ли за проститутку, то ли за чужую невесту.

– А если девушка вышла замуж и изменила? Изменила, чтобы просто попробовать? Потому что была всего

с одним мужчиной, и ее разбирало любопытство? Нет, не похоть, не зависть, а чистый интерес, любопытство? Она чистая?

– Вряд ли.

– А если она идет на панель, чтобы прокормить детей? семью, как Соня Мармеладова?

Я промолчал, понимая, что Алистер – мастер задавать каверзные вопросы. Возможно, он этому учился у самого Сократа.

– А если ей не приносит удовольствия секс и она спит с мужчинами из жалости к ним? Из своей женской сущности? Спит, чтобы не обидеть и не оттолкнуть? Она чистая?

Я пожал плечами, запутавшись в его софистике.

– Моя жена изменила мне всего раз. Но так получилось, что она встретила человека, – Алистер произнес слово «человек» с некоторым придыханием и восторгом.

– А ты не человек?

– Я не-е-ет, – он яростно замотал головой.

9

Я хотел было спросить, кто же он, но меня тогда гораздо больше интересовал другой вопрос.

– Алистер, – посмотрел я на него внимательно, – а ты хотел бы знать сейчас все о своей жене? Спросить у нее, что она думает? Что она обо всем этом думает и как к тебе относится?

– Зачем? – удивился Алистер. – Я всегда ориентируюсь на свою матушку. Не копайся, а то докопаешься. Вот Достоевский копал-копал и докопался. С Аполлинарией Сусловой он увидел такие бездны в женщине и в себе, что ужаснулся и чуть не свихнулся.

– Черт, – выругался я, – а я как раз сейчас хочу докопаться до всего, до самой сути.

– Вот это интересная тема, – остановился Алистер и, повернувшись, заглянул мне в глаза, – хочешь ли ты все знать и готов ли ты простить, если узнаешь?

– Узнаю что?

– Узнаешь, например, что до тебя у нее была тысяча сексуальных связей.

Я промолчал, серьезно задумавшись. Простил бы я Мелиссе, узнав, что она работала проституткой в баре «Трибунал»? Или танцовщицей го-о-го-о?

Пока я встречался с Мелиссой, мы вообще не касались этой темы. Я предпочитал не знать, забыть, убежать, убеждая себя, что это была не Мелисса, а просто похожая на нее девушка, которую я спяну перепутал.

Я предпочитал не выпытывать, не копать в ее прошлом, принимая только то, что она сама рассказывала. И Мелисса пользовалась моей деликатностью. Я чувствовал, как она порой, во время, казалось бы, легкой болтовни осекается или задумывается, берет паузу, словно подбирая нужную формулировку.

Но разве мы все так не делаем, разве не стремимся преподнести себя в лучшем свете? Разве не для этого надеваем лучшие наряды и ходим на выставки и в театры?

10

– Знаешь, к какому открытию я пришел, братишка? Я пришел к выводу, что все семьи одинаковы: и счастливые, и несчастные. Что это суть история про рай, Адама и Еву. Смотря как развивается ситуация. Сначала парень находит девушку, ну или наоборот. Они женятся. Начинают копить имущество, фотографировать друг друга,

строить общий дом. Этот дом и есть их Эдем. А потом приходит змей-разрушитель. И все, на этом все. С самого начала и до конца. Альбом выбрасывается на улицу. Знаешь, сколько я таких семейных альбомов находил в мусорках и на свалках? Сколько старых книг и детских вещей?! Выходишь на помойку поутру, а там чья-то выброшенная жизнь. Иногда сидишь, смотришь чужие фотографии, разбираешь детские пинетки и жилетки и слезами обливаешься, как крокодил Себек. Бог разлива Нила, кстати. Нет больше дома, нет больше никакого Эдема!

Алистер разошелся так, что его уже было не остановить. Слушая его, я понимал, что у меня едет крыша. Что я впадаю в депрессию. Еще немного, и я тоже окажусь на улице. Если город, по которому я хожу, всего лишь прагород, если все женщины суть одно и то же, а все семьи живут по одному сценарию или плану-замыслу, то какой смысл суетиться и биться?

– Здесь! – ткнул он вдруг пальцем в небо, остановившись.

Я запрокинул голову, не сразу сообразив, что на самом деле он указывал на окна дома, под которым мы вдруг встали.

– Здесь я раньше жил со своей женой.

Мы стояли, задрвав головы, и долго смотрели на четыре горящих окна. И вот в этот самый момент, пока мы стояли на Малой Морской, а часы на башне здания Думы отбивали переливом очередной прожитый час жизни, я вдруг жутко позавидовал Алистеру. У него есть эта возможность, это счастье, эта надежда стоять вот так и смотреть на окна своей любимой, на горящий огонек, на маяк-фо-

нарь, разложенный на четыре плоскости стекол. А передо мной лишь беспросветная стена пустоты и черноты.

– Там, – пояснял он, – детская. А там кухня. Жена наверняка сейчас что-нибудь стряпает для детей. Потом они перенесут все в гостиную на подносах. Накроют скатертью стол. Сядут все вчетвером. Потом посмотрят телевизор, а перед сном почитают книжки. Так всегда было по субботам. Хорошо, тепло, красота.

– Почему вчетвером?

– Она, Маша с Мишей и ее новый муж. Мужа зовут Александр. Все дело, видимо, в этом. Я всегда хотел, чтобы меня звали Александр, как Македонского. Завоеватель, сын египетских богов и все такое. И жить я хотел бы где-нибудь в Александрии – столице династии Птолемеев. И тогда у нас с Тamarой все сложилось бы по-другому. Возможно, мы до сих пор жили бы под одной крышей.

– Так ты поэтому называешь себя Алистером? Чтобы быть ближе к Александру?

– Типа того, – ухмыльнулся Алистер и снова уставился на горящие окна.

И тогда я понял, какой силой обладал этот братишка. Он обладал силой любить, даже если его откровенно предали. Силой прощать, силой настоящего мужчины.

В принципе, эту историю можно было бы закончить на этом моменте. Потому что все остальное было бессмысленно. И потому что на меня накатила огромная депрессия. Но мы скорее по инерции наматывали уже третий круг по городу, любуясь одними и теми же зданиями и людьми, сделанными будто по лекалу...

– Тебе хорошо, – заметил я Алистеру, – ты – платонист, поэтому веришь в некий идеал, в идею. А с верой легче жить.

– Я, скорее, как человек науки, аристотелевец. Но сути это не меняет. Любой предмет, вещь состоит из идеи и материи. Материя – это то, что отличает нас друг от друга и отодвигает от идеи. Но к идее мы стремимся вернуться.

– К идее самих себя?

– В том числе. Жизнь всех вещей мира, жизнь всего сущего направлена от материи к Эйдосу. Его сущности или идее. Поэтому-то и мы так мечемся, бегаем, как собака, кругами, растем, как дерево, устремив ветки к небу и все ради движения к самому себе или своей сущности.

– А как же стремление к женщине? – вспомнил я про Мелиссу и про то, как я нарезал круги по Питеру в поисках ее образа. Да и Алистер привел меня к дому жены.

– Женщина, и вообще любой другой человек, наше зеркало. Зеркало заднего вида на машине, в которое мы глядимся иногда по дороге к цели, – подтвердил он мои догадки, и я подумал, что, с другой стороны, все только начинается. И мы еще можем сделать и четвертый круг, и пятый.

– Где ты живешь? – Мне очень не хотелось расставаться с Алистером. – Давай я тебя провожу.

– Сейчас я живу на кладбище, – подмигнул он, – посмотрел там себе одно теплое местечко среди классиков. И переезжать, если что, не придется!

– На каком кладбище? На Ваське? – подумал я про свои любимые лютеранские усыпальницы.

– Нет, на Волковском. Так что, если хочешь как-нибудь отдохнуть от суеты, заходи в гости. Я тебе устрою такую экскурсию, что уходить не захочешь.

– А я здесь недалеко, в центре обитаю. Давай заглянем ко мне на кофе. Можешь даже пожить у меня, если вдруг вздумается.

– Нет, спасибо! – отмахнулся он. – Не хочу привыкать к комфорту. Я уже привык к кладбищу, где мне предстоит провести большую часть своего существования, а главное в нашем деле – привычка.

И Алистер пошел к себе качающейся, будто трассирующей, походкой. В сумерках его темная фигура среди горящих фонарей на встречных пучках соцветий фонарей, казалось, разрывала пространство.

– Еще увидимся, – махнул он на прощанье, меняя, казалось, этим жестом реальность и сокрушая невидимых врагов. Так я был потрясен нашим общением.

– Само собой, – кивнул я, чувствуя, что все еще только начинается... Что Алистер еще не раз придет ко мне в гости и научит меня своей «китайской азбуке» и «арабской абракадабре».

Глава 5. Балерун кордебалета

1

В следующий раз – по-другому и быть не могло – мы встретились совершенно случайно. Толкаемые, движимые навстречу весенними потоками, под козырьком туч, у частого дождя. Я пристроился в одной подворотне, чтобы, как бы это помягче сказать, сбить пыль с фундамента очередного шедевра архитектуры, и тут какая-то сила, сияние небес, когда все вокруг на секунду проясняется, и металлические крыши, и плафоновые фонари озаряются солнцем, заставила меня поднять голову, и я увидел проезжающий мимо сверкающий параллелепипед троллейбуса, слиток червонного золота, будто он и не троллейбус вовсе, а фараонова ладья

или колесница с золотыми поводами. И там, за стеклами ладьи Осириса, девушка, которая, приплюснув лоб к стеклу, с жалостью смотрела на меня.

Я сразу узнал это лицо с высокими скулами и эти глаза – лицо из сна. Хотя, возможно, она смотрела и мимо меня – на камни. Не на разрушающегося человека, а на разрушающийся город. Неважно, главное, что этот взгляд, от которого таяли айсберги и высыхало мокрое солнце, я не мог перепутать ни с каким другим.

Наспех застегнув ширинку, я побежал. Мы двигались какое-то время параллельно с крутящим колеса параллелепипедом, и периодически то я смотрел на девушку, то она на меня. Троллейбус придерживали и заторы, и светофоры своими красными флажками. Меня придерживал стыд от того, что девушка видела, как я отливаю прямо на мостовую, а может, по моим конвульсивным движениям, по довольному лицу она бог знает что вообразила в своем чистом сознании. Может быть, даже решила, что я дрочу в этой подворотне? Что я вуайерист, который подглядывает за тем, как сношаются собаки, и получает от этого удовольствие?

Черт знает что она могла подумать. Во мне боролись стыд и страх вновь упустить ее. Настоящая внутренняя драма. Троллейбус ускорился, и мне нужно было успеть заскочить внутрь на следующей остановке.

Наверное, со стороны это выглядело комично. Еще минуту назад мочившийся человек бежит за троллейбусом, перепрыгивая ручьи и лужи, как клоун в больших ботинках. Он вскакивает на подножку, садится напротив девушки, которая видела его только со спины и в профиль, а сейчас он показывает себя целиком, анфас, и не скрывает красного с перепоя носа и выразительные синяки под глазами.

Но самое ужасное меня ожидало впереди. Когда я, заскочив в троллейбус, плюхнулся напротив своей избранницы, когда я отдышался, пришел в себя и уже собирался произнести фразу, придуманную на бегу, – что-то типа «я знал, что обязательно встречу тебя еще раз в этом городе», – когда я только открыл рот, то понял: моя спутница не одна.

С ней рядом сидел здоровый мужик, лысый, с накачанными бицепсами, в татуировках, у которого на блестящем и влажном лбу было написано: «Я ждал тебя, урод. Я знал, что найдется наглец, который покусится на мое сокровище. Но я раздавлю всякого, кто только посмеет взглянуть на мою красавицу с вождедением!»

И девушка, та, что сводила меня с ума одним взглядом, вдруг взяла этого парня под руку и, закрыв глаза, склонила голову к нему на плечо. Как сказал один поэт – «Повернись ко мне в профиль. В профиль черты лица обыкновенно отчетливее...»

А еще я понял, что М, я еще не знал ее имени, интуитивно от меня защищается. От моих еще не сказанных слов и от моих неказистых манер. А может, от моего алчущего взгляда и моего навязчивого преследования.

Да, она ищет защиты у своего мужчины. Может быть, это даже не ее муж, и не ее брат, а ее сутенер. Но если сутенер, то это еще унижительнее для меня; если сутенер, то вполне приличный и симпатичный, в костюме, в дорогой обуви. С таким хоть на край света. А напротив я – грязные руки, растрепанные волосы, разъехавшаяся молния ширинки, это я заметил только сейчас, опустив взгляд, мокрые джинсы...

Увидев меня в неприглядном и растерянном виде, она к тому же наверняка вспомнила, что это я минуту

назад мочился на дом, в котором проходил первый бал Наташи Ростовой, или «Маскарад» Лермонтова, или еще какой-нибудь дом из высокой культуры и литературы с подсвечниками, лепниной на потолках и натертым до блеска паркетным полом, на который ступить-то без бахил страшно, а тут...

Это было унижение, какого я давно не испытывал. Меня постигло сильное разочарование.

И тогда я отвернулся. Да, я отвернулся – лучшего слова не подыскать. И стал смотреть на прекрасный город, который, сев на корточки и задрав подол, из всех прорех и щелей поливало огромное серое небо.

3

Я спохватился, только когда они вышли на остановке, а троллейбус поехал дальше. Но, к счастью, напротив Думы над головой пассажиров раздался треск, водитель открыл переднюю дверь и отправился прилаживать на место съехавшие с проводов пантографы. Да, она, может быть, уже сегодня наставит нам рога, дружище! – воспользовавшись заминкой, я в ужасе выскочил на улицу и поспешил за ними по Итальянской, к площади Искусств. Потому что развития событий с рогами допустить было нельзя...

Но вот она, милая площадь, похожая на сицилийскую или неаполитанскую, с ее неизменными пиццерией и trattoria. Я уже говорил, что в основе этого города лежит много городов. В основе Итальянской улицы лежит Рим, а в основе Большой Конюшенной – Париж, канал Грибоедова – Венеция, а набережная Невы, если смотреть со стороны реки, – Лондон. И дождь своим шлейфом смахивает картинки одного города, чтобы тут же нарисовать

картинки другого. Это такой фильмограф, в котором будто невидимая рука тасует кадры, стоит только поменять угол зрения.

Мелисса была в прекрасном, светло-сером, как мне показалось тогда, почти белом плаще-макинтоше с поясом и в синем берете. Она была как Ева Грин из фильма «Мечтатели». В таком берете-прикиде, должно быть, посещают Гранд-опера в Париже или Ла Скала в Милане. Но преследуемая мной пара, так вырядившись, шла все же не в Ла Скала, а в Михайловский театр, рядом с которым кабак «Бродячая собака», в котором век назад пел Вертинский, читал стихи Маяковский, плясала Плисецкая.

Да мало ли кто там пел, и читал, и танцевал на костях уже умерших поэтов в предчувствии музыки, еще не родившейся?! Мало ли кто веселился в этом здании? Главное было то, что происходило на улице здесь и сейчас – в тот самый момент, когда я вдруг почувствовал себя взявшей след бродячей беспородной собакой. Собакой семенящей, понурив голову и хвост, за плывущим по другому берегу улицы лебедем. Не охотничьей, не бойцовой, а именно бродячей, которая не может подойти близко из-за страха быть побитой грозным спутником Мелиссы, но которая в то же время не теряет надежды на случайную подачку-ласку.

Как вскоре выяснилось, Мелисса и ее спутник спешили на оригинальную постановку «Лебединого озера». Не знаю, насколько она там оригинальная. Летом, чтобы заманить туристов, всегда пишут «оригинальное», а подсовывают самое традиционное, чтобы мещанин с длинным рублем не был разочарован. Чтобы он знал, что посмотрел что-то оригинальное, даже купив билет на железобетонную классику.

Я не мещанин, я бы с радостью пошел на балет Эйфмана по «Братьям Карамазовым», но я не мог еще раз упустить

Мелиссу. Понимая, что большего шанса мне небеса могут не предоставить, я насобирал по карманам денег на билет у перекупщиков. Так сказать, контрамарку на традиционную галерку на оригинальную постановку «Лебединого озера», которая стоила, должно быть, дороже билета в ложу на «Братьев Карамазовых», если брать в кассе.

На галерку мне пришлось продираться сквозь заслоны из швейцаров в красных ливреях и женщин в черных костюмах, которые в своей униформе походили на личных референтов-телохранителей. Они делали все, чтобы отгородить меня от тела Мелиссы, отгоняя все дальше и дальше от партера и VIP-лож, туда, на седьмой круг лестничного пролета. На галеру галерки, на которой сидят, скрутив спины, нищие гребцы.

4

В итоге мне удалось занять полагающееся мне место только к моменту, когда принц Зигфрид отправляется на охоту и встречает там королеву лебедей Одетту. А потом, все вы это прекрасно знаете, злой волшебник Ротбарт и его дочь Одиллия изо всех сил стараются погубить любовь принца к Одетте. И вот в эту самую минуту, когда на подмостках владетельная королева устроила настоящий бал с выбором невесты для сына и гости плясали разные «кадрилли»: русский танец, затем неаполитанский танец, затем испанский, – клянусь, я сам был готов вскочить с места и принять участие в этом славном мультикультурном пати, выступить в качестве соискателя руки какой-нибудь красотки, да и все зрители, думаю, с радостью стали бы активными участниками бала.

Однако, зачарованные зрелищем, они пока не решались. Такие изящные в своих вечерних нарядах и чопор-

ных пиджаках и фраках, они были прикованы к креслам вплоть до антракта.

Занавес опустился, зажгли свет, и я начал искать глазами Мелиссу, но не нашел ее в этом карнавале-мельтешении. К тому же я забыл взять программку и бинокль. Или – монокль, живи мы во времена Тулуз-Лотрека, этого обожателя водевилей и балета.

Среди этих наслаждающихся вечером и представлением, сытых, холеных, одетых во фраки и бабочки, буржуа я вдруг почувствовал себя изгоем на этом празднике жизни, злым волшебником, что своим тряпьем и своими дурными манерами хочет разрушить счастье и любовь одной юной прекрасной четы. И в то же время в своих простых джинсах и клетчатой рубашке навыпуск я чувствовал себя яванским колдуном. Я вдруг отчетливо увидел свою роль в этом лицедействе.

Во второй части представления я стал придумывать постмодернистский балет. Я всегда что-нибудь сочиняю, когда смотрю или читаю чужое. И вот я придумал действительно оригинальное постмодернистское либретто, по которому яванский держатель петуха приезжает со своим бойцом в крупный европейский город. В какой-нибудь Лондон с его музеем Альберт-Виктории и Альберт-холлом.

Он важно расхаживает со своим бойцовым петухом везде, гуляет по городу, от Трафальгарской площади до квартала Челси. Он бывает на знатных раундах и высокосветских приемах и везде выглядит таким модным метросексуалом, у которого вместо маленького кудрявого пуделька под мышкой задиристый боевой петух с хохолком и гигантскими шпорами.

И вот судьба случайно закидывает нашего героя на балет «Лебединое озеро» в Альберт-холле. И там на сцене он видит злого волшебника, злого колдуна, шамана в пе-

рьях, который то и дело выскакивает на сцену и что-то там себе колдует, зачем-то размахивает своими черными огромными крылами.

Для всех непосвященных действия Ротбарта – сказка, архаика, антропология, они не видят никакого смысла в колдовских обрядах, но для нашего героя, знающего о магии не понаслышке – это не сказка, а трагическая реальность. В прошлом году колдун из соседней деревни так же заколдовал его невесту, без пяти минут жену. Заколдовал из зависти и по навету, отчего его невеста быстро слегла и умерла.

5

Вот она – ирония судьбы. Наш яванец наконец находит своему петуху достойного соперника. Соперника, которому он перед всем своим племенем поклялся отомстить. Соперника, который погубил его невесту и теперь хочет заколдовать Одетту.

Недолго думая, герой вскакивает со своего места в ложе и, легко перемахнув-перепрыгнув через несколько голов, спрыгивает в партер со своим яванским петухом.

В Альберт-холле зал устроен как в цирке, сцена там круглая, словно яйцо в поперечном разрезе. Точь-в-точь как ринг для петушиных боев в их родной деревне.

Наш герой весь такой характерный для Явы: худощавый, мускулистый, загорелый, с короткой стрижкой – ни дать ни взять танцовщик кордебалета. По пути он срывает с себя рубаху, повязывает на пояс, и теперь, с голым торсом и в потрепанных штанах, он решительно выскакивает на сцену и кидает, как перчатку, плевков в лицо колдуна. Так принято у них на Яве – харкнуть своему противнику в рожу харчей посмачнее.

А между прочим, колдун, кому в рожу прилетел плевок, не просто какой-нибудь заштатный злодей-волшебник, он суперприма «Нью-Йорк Опера», он танцовщик-миллионер, всемирно известная знаменитость, и каждое его па на сцене стоит поистине сумасшедших денег.

Но сейчас он пребывает в шоке, он не понимает, что происходит. И тут спрыгнувший с рук прямо на колдуна петух вызывает это черное чудо в перьях на бой. А колдун вопит своему импресарию, требует дать ему скорее программку, чтобы сверить с условиями контракта.

Зрители Альберт-холла – дамы в норковых манти и вечерних платьях и мужчины в дорогих костюмах, короче, вся эта перхоть города и мира – воспринимают яванского бойца тоже за артиста малых и больших. Все оживляются, все в нетерпении от грядущей развязки от яркого зрелища. Они не видят никакого подвоха и аплодируют неожиданному повороту, современной трактовке модного современного режиссера. Вот она, наконец, началась – оригинальная постановка традиционного классического балета!

А тем временем яванский петух, выпустив шпоры, распушив крылья и хвост, нападает на Ротбарта. «Чтобы защитить Одетту», – думают заинтригованные зрители. И, в принципе, они недалеко от истины. А колдун-коршун, завидя решительно настроенного петуха, встает на колени и начинает молить о пощаде, то разводя крылья в стороны, то сжимая их на груди.

Но яванец и его петух воспринимают примирительные-просительные жесты коршуна как боевую стойку. Петух с гигантскими шпорами настроен дать бой не на жизнь, а на смерть, побиться за всех курочек-балерин в перьевых пачках. Он налетает на Ротбарта и начинает его клевать и насиловать в прямом смысле слова. Трахать-кле-

вать-трахать-клевать-трахать-клевать! Коршун в панике убегает прочь, пытаюсь спастись сам и спасти свою честь за кулисами. Запутавшись в портьере, он падает, руша часть декорации в оркестровую яму на голову флейтистам. Нырять в этот журчащий музыкальный овраг, как в сточную канаву на окраине деревни, как какая-нибудь пьянь и рвань подзаборная.

Есть! Есть победа с явным преимуществом, но праздник петушиных боев так просто не заканчивается. Черта с два! Петух не отступает! На кону вся его репутация, на кону честь семьи и всей Индонезии. Ставки слишком высоки! Как он потом вернется в свою родную деревню и расскажет, что проиграл единственный в истории международный бой?

Дирижер, эффектно размахивавший палочкой и рукой, словно это крылья, а лацканы фрака – хвост, тоже попадает под раздачу петуху. Первая скрипка в ужасе падает в обморок, контрабасист басит, альтист летит, оркестр начинает играть вразнобой, а рабочие сцены и музыканты выбегают, чтобы прогнать яванского деревенщину восвояси на Яву.

– Пошел вон, мудак! – кричат все и гоняются за ним по сцене, размахивая швабрами и смычками от скрипок и виолончелей. Однако прогнать яванского мудака не так-то просто. Поднаторевший в тайском боксе, закаленный в кулачных боях на окраине мира, он так ловко и изящно размахивал ногами и руками, что затмевал всех прима-балерунов. Блистательными великолепными па, они же сочные удары в челюсть и нос, он сокрушает одного своего противника за другим. Затем хватает за ноги черную Одетту и белую Одиллию и под шумок и хаос тащит их со сцены. Две жены лучше одной, две курочки – лучшая награда победителю.

– Мне же больно, мужлан! – визжит Одетта.

– А мне, думаете, не больно на все это смотреть? – парирует деревенщина. – Разделили весь мир на черных и белых и радуется!

6

А еще я думал про черное и белое в нас. Черный лебедь и белый лебедь. Белая – символ чистоты – невеста. И черный цвет, черная кожа и перья – символ грязи и саморазрушения, символ мазохизма и садизма.

Как странно, что второй раз я сталкиваюсь с Мелиссой на фоне свадебного представления! Что это? Фарс, трагикомедия, драма? Вышла ли она все же замуж, примирившись с женихом? Или этот ее спутник – сутенер? А может, я всего лишь перепутал двух девушек, и та девушка в клубе и нынешняя в театре похожи, как Одиллия и Одетта?

Когда объявили второй антракт, мне удалось найти, запеленговать ложу, в которой сидели «Одетта» и «Хай Зигфрид» – ее бритый мужчина в костюме. А еще я заметил, что задние ряды пышных стульев в ложе свободны.

«Заскочу в эту подвешенную к стене позолоченную колесницу и сяду на первый попавшийся стул», – решил я во время второго антракта. Может, тогда мне удастся подслушать, о чем они говорят, чтобы понять, муж с женой они или просто парень и девушка.

Я так и сделал: как прозвенел третий звонок, проскочил в кабинку и пристроился сбоку у портьеры. Теперь снова уже в нескольких метрах от меня сидела Мелисса и ее избранник, и я мог видеть завиток волос на тонкой шее и ощущать аромат ее тела, от которого мои ноги сводило судорогами.

А за моей спиной на столиках я заметил ведерки с бутылками охлаждающихся алкогольных напитков, а еще бокалы и бутылки с минеральной водой.

Я, кажется, промок под дождем и заболел, аромат Мелиссы лишал меня сил, как зелье, и мне очень хотелось взять одну из бутылок с прозрачной живительной водой, чтобы сглотнуть слюну и запить таблетку.

– Мужчина, это ваша вода? – резко повернувшись, прошептала полная дама в перьях. – Вы уверены?

– Извините, – прошептал я, ставя бутылку назад.

– Вы, вообще, как здесь оказались? Покажите свой билет, молодой человек!

Я был пойман с поличным, я не знал, что эту выпивку предварительно заказывают в кафе, заплатив деньги. Я думал, она положена всем сидящим в VIP-ложе, я надеялся, что это бесплатная вода, которую ставят в ложи так же, как раздают бесплатно в бизнес-классах самолетов. Но теперь я был пойман, как воришка, и сгорал от стыда. Думаю, в тот миг я был краснее яванского петуха, краснее его гребешка и бархатной обивки театральных стульев.

– Идите воровать в другое место! – грозно и теперь громко потребовала дама в перьях. И тут все, в том числе и Мелисса с ее спутником-ухарем, повернулись и посмотрели на меня в упор и с укором.

7

Так я был изгнан из золотой колесницы. Меня с позором, как последнего воришку, вывели вон, под презрительные взгляды, в том числе и Мелиссы. Дальше я досматривал спектакль с галерки, как раб, проданный за провинность на галеры. Хотя лучше мне было бы со-

всем покинуть зал. Но я не мог так просто оставить Мелиссу, и все последнее действие сидел, согнувшись в три погибели над веслами подлокотников и прячась от публики за спинками-лопастями. Мне казалось, что теперь я – центр представления, что меня заметили и осуждают уже все зрители театра. Что теперь все пялятся только на меня. Под конец я начал ерзать в нетерпении, тряся ключами, как кандалами, ожидая, когда же закончится спектакль. Так мне хотелось то ли сбежать, то ли поскорее оправдаться и реабилитироваться.

Я решил, что если спектакль закончится хорошо, то и в нашей истории все будет хорошо. А если злой волшебник убьет Одетту – странно, ведь я всегда ассоциировал себя со злом, – то и у нас все будет плохо.

И спектакль закончился хорошо. Поняв, что злой волшебник обманул его, подсунув вместо Одетты Одиллию, и что он ошибся, приняв за белого лебедя другую, похожую на него девушку, Зигфрид спешит на озеро, просит прощения, плачет, бьется в истерике, надевает черные одежды. Лучше спектакль закончиться и не мог. Сам перепутал – сам страдай и погибай.

Каждая встреча и каждая разлука с женщиной – это и фата, и саван одновременно. А значит, и мне нужно дорожить каждой встречей с Мелиссой. Не дожидаясь окончания оаций, я сбежал вниз к гардеробу, расталкивая локтями по пути таких же нетерпеливых и неблагодарных, как и я, зрителей.

Я поймал Мелиссу у зеркальных стен фойе, когда она, накрутив на шею шарфик, прятала под беретку вьющиеся локоны. Я подошел к ней вплотную. И быстро, чтобы она не перебивала, выпалил, что это не мое истинное лицо. Что я не вор, как можно было подумать. Что я в последнее время хожу как заколдованный. И что всех нас нужно расколдовать, как расколдовали Одетту. Что у всех нас

истинное лицо совсем другое. И что истинное лицо этого города тоже совсем другое.

8

Мелисса смотрела на меня как на городского сумасшедшего, как на психа-фрика из Михайловского сада, который предлагает всем нарисовать их истинный портрет. Но я предлагал, нет, требовал не сеанса с позированием.

– Дайте мне скорее ваш номер телефона, или уйдемте из театра вместе, и я все объясню!

Сейчас я понимаю, что нес чистейший бред, но тогда под впечатлением от спектакля мне казалось, что это правильные слова. Более того, произнося их, я накарябал на какой-то бумажке из кармана, может, чеке или билетике, свой телефон и вручил его Мелиссе с просьбой обязательно перезвонить.

И в этот самый момент, когда ошарашенная моим напором Мелисса невольно приняла бумажку с телефоном, к нам подошел ее лысый накаченный амбал и с большим интересом заглянул мне в глаза. С таким большим и грозным интересом, что мне на минуту даже стало неловко за него – мол, чего ты так пялишься? Чего ты так вылупился, чувак? Чего ты тут так неловко торчишь? Не видишь, люди хотят поговорить о важном!

Но он быстро сориентировался. Понял по моим безумным глазам, что имеет дело с умалишенным. А потому примирительно улыбнулся-оскалился и ловко оттер меня от Мелиссы всей массой, отсек своим могучим торсом, помогая при этом Мелиссе надеть плащ. В этот момент он больше походил на быка, отнявшего у хлюпкого тоreadора тряпку, на быка, оттирающего хрупкого тоreadора от его законной победы и славы. Или на фокусника,

прячущего свое сокровище, сначала под мантию, а потом и в черный ящик автомобиля, чтобы потом, дома, распилить девушку на восемь частей.

9

Они ушли, точнее, уехали, сев прямо у порога в подошедшее такси – черный лондонский кэб. Мелисса даже не оглянулась, и последнее, что я видел в тот мрачный дождливый вечер, был ее светлый плащ, двигаясь за которым я был вытолкнут толпой на улицу из вестибюля.

Подпихиваемый потоками той же толпы, я двинулся в сторону канала Грибоедова. Я шел по вечерним улицам, размышляя о том, какое же все-таки истинное лицо этой женщины и какое истинное лицо этого города?

На мне была рубаша не по размеру. Я купил ее на распродаже, и потому она была на два размера больше. Рубаша, в которой я терялся, как терялся в этом городе. А плащ Мелиссы был словно сшитый точно по ее меркам личным портным. Будь она сейчас рядом, то наверняка уравновесила бы мою потерянность своей собранностью и элегантностью. Абсолютной вписанностью в момент. А я был так сильно потерян или растерян, что даже забыл куртку в гардеробе. Да что там куртка, в этих лабиринтах мостов и улиц я, кажется, потерял свое «я». Свое непомерно раздутое до состояния пошлости эго задиристого драчливого петуха, которое в эти минуты сжалось до малопривлекательного образа мокрой курицы на насесте. Курицы, которая высиживает, выгревает, лелеет лишь одну мысль о взятом Мелиссой клочке бумаги с номером телефона.

Да, я еще долго сидел на парапете набережной под мелким дождем, как та курица, только что не кудах-

тал, а просто смотрел на спящие по каналам кораблики со счастливыми туристами.

Много позже я догадался, почему на нее подействовали мои слова об истинном лице, которое зачастую скрыто под маской. Как египтолог, она знала, что изображение – это воплощение души. И поэтому мы волей или неволей обладаем всеми теми же качествами, которыми нас наделяют другие. Хотим мы этого или нет, но мы таковыми являемся.

Не знаю, была ли она проституткой, стриптизершей или вышла замуж за этого лысого накачанного паренька по расчету из чувства незащищенности. И тут на ее пути возникает человек еще более униженный, чем она. В глазах других театральных зрителей я был не меньшим вором, чем она проституткой-содержанкой. И она невольно прониклась ко мне симпатией и даже, возможно, нарисовала себе другой мой образ. Вполне симпатичный, казалось мне тогда, образ.